

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ОСЕНЬ НАЧИНАЕТСЯ С ПАУЗЫ

Сегодня ему улыбается не всегда надежное сценическое счастье. Сегодня он молод, способен и, говорят, очень удачлив. Но это только начало. Правда, интересное, многообещающее. Не будем загадывать, как сложится жизнь дальше. Но об этом начале стоит говорить. Поэтому мысленно возвращаюсь я в прошлое, которое не стало еще для актера историей.

Помню, два года назад за осенним окном лил дождь. И утро было хмурое, неприятно зябкое. А в театре царил сказка. Очень солнечная, озорная и радостная. Вероятно, потому так хорошо запомнилась она, что резко контрастировала с пасмурной погодой. А может, не только поэтому...

«Сказка о четырех близнецах» болгарского писателя Панчо Панчева была первой самостоятельной работой молодого актера Юриса Газиева, который сыграл в ней все четыре главные роли. И возможно, не было еще достаточной профессиональности в построении образов, возможно, не хватало мастерства, чтобы предельно ярко оттенить каждого героя, придать ему характерные черты, но непосредственность и редкой динамики пластичность брали свое. Поражало то, что не приобретается со временем и опытом. Обаяние. Человеческое? Актерское? Сплав того и другого? Тогда я еще не знала. А встреча наша оттянулась до следующего спектакля.

...У него своеобразные глаза. Порой странно пытливые, какие-то диковатые, они неподвижно мерцают внутренним огнем. Потом вдруг оживают и начинают искриться безудержным весельем. Такая насмешливая ироничность появляется в них, что даже не верится, те ли это глаза.

Теперь мне кажется, что именно эти глаза пленили требовательных судий из приемной комиссии в Белорусском театральном-художественном институте. Юра поступал в дополнительный набор, предварительно насылавшись всяческих отворок, типа: «И не пытайся. Не пройдешь. Там фактура нужна, а у тебя рост... сам понимаешь». Роста он и в самом деле невысокого. Но в институт его приняли. И этот вопрос больше не возникал: на курсе рос студент актерского факультета, всеми признанный и очень способный. А на распределении, получив несколько приглашений, выбрал Брестский драматический театр.

— Захотелось работать рядом с такими заслуженными, опытными мастерами сцены, как Г. А. Волков, А. К. Логинов, Ю. И. Власов, А. М. Самаров, С. П. Юркевич. И совершенно не жалею — правильно сделал.

А недавно Юра признался:

— До сих пор не могу простить себе, что в институте не всегда работал с полной силой. То, что другим давалось с трудом, я схватывал на лету. Многие было легко. Теперь это иногда дает себя знать.

Быть может, и не стоило бы обнародовать это признание (Юра сейчас в театре один из ведущих молодых актеров), если бы я не была уверена в Газиеве, если бы его коллеги не были в нем уверены, если бы он сам не был в себе уверен. Не самоуверен, а именно уверен в себе, в своих возможностях, в своем трудолюбии.

На первый взгляд может показаться, что ему просто везет с репертуаром. Действительно, все роли остро характерные. В его героях нет ничего бесцветного,

прилаженного — они никогда не бывают безразличными. Они активны. Они насыщены внутренней атмосферой самого актера — Газиев не пускает своих героев по естественному течению сценического действия. Он борется за них, борется с ними.

Интересна в творческом поиске молодого актера одна деталь. Он никогда не бросается в новую работу моментально, только получив роль. Он начинает с паузы. Вынашивает в себе. На первый взгляд, не работает, не репетирует. Но дело здесь в другом: в это время он проживает всю жизнь, заданную персонажу, мысленно ставит себя в предлагаемые обстоятельства. Как осень, самая плодородная пора, начинается с какого-то щемящего затихья, так и новая роль, требующая огромной затраты мысли и сердца, начинается у Газиева с порой даже удивляющего внешнего спокойствия.

Но репертуар у него и в самом деле хороший. Не так, чтобы одни добрые молодцы или же злодеи. Люди. И не из числа мягких, успокоенных, а с кипением страстей, живущие скорее по воле бурного каскада чувств, чем по воле хладнокровно взвешивающего разума.

Трудно забыть солдата Кукушкина из героической эпопеи «Брестская крепость». Рядовой войны, разбитой пареню с ослепительной улыбкой, Кукушкин — натура цельная, самоотверженная. Если веселиться — то от души. Ненавидеть — так всем сердцем. Помнится, больше всех реплик Кукушкина поразили меня его говорящие глаза — они ненавидели, восхищались, исповедовались. И ненужными становились слова.

Кукушкин — герой. Его подвиг оценивал Газиев, исходя из своего человеческого начала, патриотизма каждого советского гражданина. И словно на противопоставлении строил актер другой образ — нарушителя границы в спектакле «Не беспокойся, мама». Он не задает своему герою тщательно выверенной программы. Сначала даже трудно понять, кто он. Просто запутавшийся мальчишка? Негодяй, подонок, для которого нет ничего святого? Или же безвольное существо, насылавшееся красивых сказок про «свободный образ жизни»? Постепенно обнажает Газиев его сущность: за откровенным цинизмом кроется в общем-то пугливое притворство, жалкая увертливость зверька, попавшего в самому себе расставленные сети. Только что он заносчиво излагал свои «принципы» и вдруг, неожиданно сломавшись, падает на колени. И ползет, унижаясь словами, но больше — пустыми, жалкими глазами.

— Но были еще другие глаза. Гришкины из пьесы А. Островского «На бойком месте». Эпизодическая роль. Но среди главных героев спектакля, этих жертв «темного царства», бледный, запуганный Гришка казался едва ли не самой большой жертвой. И рабской услужливостью, постоянной готовностью подать, принести, отбить чечетку, абсолютным непониманием того, что он тоже человек с правом на обыкновенное достоинство, мертво застывали глаза, очень похожие на глаза слепого.

— Меня всегда возмущает любая несправедливость. Поэтому возникает потребность говорить обо всех пороках со сцены. От своего лица. От лица своих сверстников. Может, потому так люблю

сказки, люблю играть сказочных героев. Может, потому и поручают мне роли молодых задиристых ребят, — говорит Газиев.

Его непринужденность, детскость, на непосвященный взгляд, такая милая восторженность могли бы стать находкой для бездумно облегченных ролей. Но главному режиссеру театра Г. А. Волкову, серьезному и чуткому к актеру, удалось нащупать в нем нечто другое: актерский нерв, а вместе с ним и драматизм актерской темы. Так родился «Затюканный апостол» А. Макаенка.

Иследуя психологию Мальша, актер и режиссер верно почувствовали главное: его кипучий темперамент. Не внешний, нарочито показной, а интеллектуальный, моральный, способный подчинять себе. Прямо на сцене Мальш Газиева формирует мысль, сравнивает, отрицает, ставит опыты над ближними. Газиевым он хорошо обучен самостоятельному мышлению, критическому подходу к тому, что творится вокруг. Этот вундеркинд, дитя эпохи, безжалостен. Мне кажется, порой даже слишком безжалостен — и не от детской страсти к эксперименту, а от уже вполне оправданного им самим чувства обязанности на все и всех. Этому Мальшу иногда явно не хватает природной первичности тонкого ребенка. По-моему, Газиев сыграл не столько Мальша, сколько свое отношение к Мальшу. Конечно, роль многое дала самому актеру, она интересна. Но, исполненная Газиевым в этом ключе, несколько идет вразрез с природой театра.

Последняя роль Газиева — Веня Зябликов в «Характерах» В. Шукшина, с неразлучным баяном и дерзким вызовом скопидомству, который ничего не нашел лучшего, чем по-мальчишески несерьезно отомстить теще — он сам по себе уже обвинение мещанству. У него в спектакле не так много текста. Но пожалуй, он не очень нужен Газиеву. Опять играет здесь безмолвие актера: хмурый, исподобья взгляд, пренебрежительный, из-за плеча поворот головы в сторону тещи — весь его вид, каждой, самой мелкой деталью восстает против ее пугающего душевного невежества. Веня чем-то сродни еще одному газиевскому герою — Юрке из спектакля «Таблетку под язык» (хотя сам спектакль, на мой взгляд, неяркий, плохо запоминающийся, и Газиев в нем отнюдь не выигрывает) не потому, что оба они деревенские парни, колхозные любимцы-баянисты, но потому, что Веня и Юрка, внутренне не успокоенные, дерзко уверены в себе, в своих стремлениях, они ищут свой путь в жизни.

А сам актер? Он тоже ищет. Ждет ли его и дальше удача? Трудно сказать. Может статься так, что он застрянет во времени: повзрослеет раньше своих героев, а они сегодня такие противоречивые, устремленные, покажутся тогда инфантильными. А может, появится другое, как раз нужное — тогда придут новые удачи на новых путях. Газиев молод. И этот вопрос еще долго будет оставаться открытым. Его может разрешить только движение — в искусстве, в жизни, чтобы конец не остался началом.

Э. АГРАНОВСКАЯ.

На снимке: сцена из спектакля «Характеры». Роль Венки Зябликова (справа) играет артист Юрис Газиев.